

4. Sterpu, I., Limba română pentru străini. Gramatică și exerciții, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, Iași, 2012.
5. Vrăjitoru, A., Curs practic de limba română pentru străini, vol. I: Gramatica, Vasiliana, Iași, 2003.

**Н.А. НЕКРАСОВ – ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ А.С.
ПУШКИНА**

ТОПОР Габриэлла, др., конф.

Summary

The article is dedicated to comparative-typological analysis of Pushkin's and Nekrasov's lyrics. In spite of the fact that they were not poets of one and the same generation, the themes and problems, they were excited by, had much in common: there is much sameness in motifs, characters are closely interwoven in their lyrics. That is why the author of the article pays a particular attention to the revealing similarities and differences done by these poets in the elaboration of definite themes, motifs and characters.

The author is very convincing in showing that Nekrasov keeps developing Pushkin's traditions emphasizing at the same time that content and trend of Nekrasov's poetry is rather different.

Размышляя о творчестве выдающегося русского поэта второй половины XIX века Николая Алексеевича Некрасова (1821 – 1878), нельзя не обратиться к лирике его великого предшественника – Александра Сергеевича Пушкина. Несмотря на то, что А.С. Пушкин и Н.А. Некрасов не были поэтами одного поколения, темы и проблемы, волновавшие обоих, имели много общего, созвучного, родственного. В их лирике можно встретить также немало сходных мотивов, художественных образов, тесно переплетающихся между собой.

Н.А. Некрасов считал А.С. Пушкина своим учителем и наставником и обращался к своим современникам с таким призывом: «Читайте сочинения Пушкина с той же любовью, с той же верою, как читали прежде, – и поучайтесь из них.

Читайте биографию Пушкина, написанную Анненковым, – верьте приведённым в ней фактам (они не выдуманы и не преувеличены), поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину, и если бог дал вам талант, идите по следам Пушкина, стараясь сравняться с ним если не успехами, то бескорыстным рвением, по мере сил и способностей, к просвещению, благу и славе отечества» [1, 42]. В этом призыве ясно прослеживаются истоки той несомненной преемственности, которая устанавливается между поэзией Н.А. Некрасова и поэзией А.С. Пушкина.

А.С. Пушкин – едва ли не первый в русской литературе воссоздал образ русской женщины. Это и Татьяна Ларина («Евгений Онегин») – «милый идеал» – воплощение принципиальности, нравственной безупречности и силы воли; и образ Марьи Ивановны Мироновой («Капитанская дочка») – скромной, женственной, искренней девушки, способной на подвиг, на подлинный героизм. Н.А. Некрасов также как и его предшественник посвятил немало строк русской женщине. Созданные им образы прекрасны. Они деятельны и вдохновенны, любовь их благородна и светла, красота их скромна и величественна. Он подарил нам «Орину, мать солдатскую» (стихотворение о тяжёлой судьбе матери), и «Жницу» (о безысходности горя женщины-жены), и образы декабристок, разделивших со своими мужьями их трагическую судьбу (поэмы из цикла «Русские женщины»: «Княгиня Трубецкая» и «Княгиня М.Н. Волконская»).

Любовь к Родине также одна из основных тем произведений обоих авторов. Это находит своё выражение в пейзажной лирике поэтов: «Осень», «Зимний вечер», «Зимнее утро», «Зимняя дорога», «Вновь я посетил...» и мн. др. стихотворения А.С. Пушкина, а у Н.А. Некрасова – это «Рыцарь на час» (замечательный, пластически осязаемый пейзаж тихой

лунной ночи), «Зелёный шум» (о весеннем пробуждении природы, о возрождении человека под её влиянием) и т. п.

Н.А. Некрасов, несомненно, является продолжателем и традиционной в русской литературе XIX века темы поэта и поэзии: многие строки в его знаменитом диалоге «Поэт и гражданин» явно перекликаются с пушкинским стихотворением «Поэт и толпа». «Глаголом жечь сердца людей» призывал А.С. Пушкин, и у Н.А. Некрасова поэзия и гражданский долг сливаются воедино.

Пушкинское понимание поэта можно увидеть и в стихотворении 1874 года «Поэту» с подзаголовком («Памяти Шиллера»). Лексика этого произведения напоминает словарь пушкинских стихов о поэте: «любовь», «свобода», «мир», «божество», «художник вдохновений», «жрец искусства», «певцы», «добро», «красота» и, наконец, «гармония». Вновь присутствует толпа – не только невежественная, враждебная поэзии, но и «гибнущая».

Н.А. Некрасов продолжал и важнейшую линию пушкинского новаторства, основанную на принципе «иерархии» в поэтическом содержании и стиле. Разумеется, действительность в некрасовской поэзии иначе размещается по степеням «иерархии», чем у А.С. Пушкина, но принцип сохранился. «Низкого» в эстетическом смысле, запретного для поэзии, у Н.А. Некрасова, как и у А.С. Пушкина, нет.

Именно в этой сфере лиризма, к которой категории «высокого» и «низкого» неприменимы, наиболее тесна связь творчества обоих поэтов. Например, «Осень» и «Зима, что делать нам в деревне?...», с их широтой поэтического диапазона, непосредственно отзываются у Н.А. Некрасова:

Какой восторг! За перелётной
птицей

Гонюсь с ружьём, а вольный ветер
нив

Сметает сор, навеванный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав. Я думаю...

мечтаю...

(«Уныние», 1874)

Сравним строфы VIII и IX «Осени» (1833):

... Желания кипят – я снова

счастлив, молод,

Я снова жизни полн...

или

Огонь опять горит...

... а я пред ним читаю

Иль думы долгие в душе моей

питаю.

И в том же «Унынии» встречаем строки:

Иду домой, тоскуя и волнуясь,

Беру перо, привычке повинуюсь,

Пишу стихи и – недовольный,

жгу.

Мой стих уныл...

Сравним со стихотворением «Зима, что делать нам в деревне?...»
(1829):

Беру перо, сижу; насильно

вырываю

У музы дремлющей несвязные

слова

Ко звуку звук нейдёт...

Для Н.А. Некрасова, как и для А.С. Пушкина, высокое – не противовес низкому, а предел, которого достигает поэзия.

Всё вышесказанное свидетельствует, что Н.А. Некрасов действительно продолжатель традиций А.С. Пушкина. А любить великого поэта, ценить его «серьезность, благородство и мужество» Н.А. Некрасов научился ещё смолоду. Как событие

своей умственной жизни вспоминает он в автобиографических записях тот знаменательный день, когда он, провинциальный подросток, впервые познакомился с пушкинской одой «Вольность», исполненной ненависти к «увенчанным злодеям», «тиранам», «бичам и железам» (XII, 21).

Неизвестно, какими путями дошла до молодого Н.А. Некрасова в ярославскую глушь запрещённая пушкинская ода, но, зная творчество поэта, можно представить, как потрясли его эти стихи, – может быть, первые «вольнодумческие» строки, какие ему довелось прочитать.

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Ода так взволновала Н.А. Некрасова, что одно время, уже пожилым человеком, он хотел было стихами прославить её. Это видно из нескольких строк, которые были найдены К.И.

Чуковским [4, 11] в рукописях поэта:

Хотите знать, что я читал? Есть

ода

У Пушкина, название ей: Свобода.
Я рылся раз в заброшенном

шкафу...

(II, 523)

Возможно, что мысль о цензурных преградах помещала Н.А. Некрасову довести эти стихи до конца и подчеркнуть, таким образом, преемственную связь между поэзией А.С. Пушкина и своей, некрасовской, «гражданской» поэзией.

Когда Н.А. Некрасов познакомился с одою «Вольность», ему едва ли было больше пятнадцати лет. Очевидно, в те годы – или несколько позже – он впервые пережил увлечение поэзией А.С. Пушкина. В одной из автобиографических заметок он указывает, что сестра Елизавета ещё в детстве познакомила его

с «Евгением Онегиным» (XII, 24). И так как память у него была очень сильная, он тогда же запомнил великое множество пушкинских стихотворений – тысячи и тысячи строк.

Когда, например, в «Свистке» 1860 года он пишет о драчливой помещице, которую поколотила служанка:

На натиск пламенный ей был
отпор суровый, –

(II, 444)

переводя тем самым в сатирический план знаменитую строку из пушкинского послания «К вельможе»:

Здесь натиск пламенный, а там
отпор суровый, –

или, когда, обращаясь к читателю, он словами пушкинского «Посвящения» к «Полтаве» говорит о «Свистке», уже полузадушенном цензурным террором:

Узнай, по крайней мере, звуки,
бывало милые тебе,

И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе»
Ты был моей мечтой любимой, –

(II, 492)

когда при помощи пушкинских строк он напоминает читателю, что этот некогда безбоязненный отдел «Современника» теперь, в эпоху расвирепевшей реакции, уже усмирён и запуган полицейскими мерами:

Он робко взор кругом обводит
И никого вокруг себя
Себя смиренней не находит! –

здесь и во множестве подобных же случаев чувствуется опять-таки насыщенность его поэтического мышления текстами А.С. Пушкина. В последнем отрывке – копия пушкинских строк:

Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,

И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит
(«Кто знает край, где небо

блещет...»)

Когда в 1869 году Н.А. Некрасов пишет сестре из Диеппа: «Скуку – дело неминуемое. Вся тварь разумная скучает...» (XI, 152), – он даже не оговаривает, что последняя фраза является цитатой из пушкинской «Сцены из «Фауста»»:

Вся тварь разумная скучает:

Иной от лени, тот от дел...

Выражать свои мысли при помощи пушкинских текстов было его всегдашней привычкой. «Евгений Онегин», «Клеветникам России», «Мордвинову», «Посвящение» к «Полтаве», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Памятник» – не было, кажется, таких пушкинских текстов, которых он не мог бы в любое мгновение извлечь из своей любящей памяти.

Обращаясь к ранним стихам Н.А. Некрасова:

Когда сверкнёт звезда полночи

На полусонную Неву.

(I, 261)

Презря и суд глупца и хохот черни

дикой –

(I, 239)

конечно, нельзя не прийти к убеждению, что семнадцатилетний Н.А. Некрасов даже слишком громко свидетельствовал о своём подчинении поэтике и фразеологии А.С. Пушкина, ибо первый из приведённых отрывков представляет собой перепев знаменитого двустушия из «Вольности»:

Когда на мрачную Неву

Звезда полночи сверкает, –

а во втором отпечталась строка из пушкинского сонета «Поэту»:

Услышишь суд глупца и смех

толпы холодной.

Стихи своего первого сборника, «Мечты и звуки», он украсил эпиграфами, заимствованными из пушкинской лирики:

...Для сердца нужно верить.

(I, 241)

...забываю песни муз,

Мне моря сладкий шум милее.

(I, 260)

И одно из своих последних стихотворений, «Мать», написанное во время предсмертной болезни, он точно так же возглавил стихами из А.С. Пушкина:

Надо мной

Младая тень уже летала...

(II, 743)

Таким образом, такие *невольные* реминисценции произведений учителя были свойственны Н.А. Некрасову на протяжении всего его литературного творчества.

Но особенно ясно ощущается присутствие великого А.С. Пушкина в тех произведениях Н.А. Некрасова, которые относятся к середине пятидесятых годов, когда благодаря новому изданию А.С. Пушкина Н.А. Некрасов возобновил своё общение с великим поэтом.

Так, для одного из лучших своих стихотворений, написанных в этот период, «Праздник жизни – молодости годы...», он использовал словесную формулу пушкинского «Евгения Онегина»:

Блажен, кто праздник жизни рано

Оставил...

В поэме «Саша», законченной в том же 1855 году, читая такую строчку:

Что же молчит мой озлобленный

ум?.. –

(I, 358)

вспоминаем об А.С. Пушкине, так как здесь опять-таки явная цитата из великого поэта, который в образе Евгения Онегина дал портрет человека двадцатых годов

С его озлобленным умом.

И в критических статьях, и в рецензиях, и в фельетонах, и в водевилях, и в юмористических журнальных стихах Н.А. Некрасов так часто обращается к А.С. Пушкину, так легко и свободно применяет во всякой, даже в случайно подвернувшейся фразе ту или иную цитату из литературного наследия великого поэта, порою переосмысляя её, так находчиво вводит в свою стихотворную речь целые фрагменты из А.С. Пушкина, что, читая его, обнаруживаешь буквально на каждом шагу, до какой степени крепко усвоено им всё пушкинское наследие, как прочно вошло оно в его умственный обиход, какой драгоценной – и привычной! – собственностью стало оно для него.

Однако из сказанного вовсе не следует, что Н.А. Некрасов, великий новатор, самобытнейший из русских поэтов послепушкинской эпохи, был пленником А.С. Пушкина, его подражателем, подобно десяткам эпигонов. Преклоняясь перед поэзией А.С. Пушкина, как перед одной из национальных святынь, свидетельствующих о величии русского народного гения, Н.А. Некрасов никогда не забывал, что содержание и направление его собственной поэзии иное.

Библиография

1. Анцыферов, М., Пушкин и Некрасов: социология творчества, Иваново, 1980.
2. Некрасов, Н. А., Полное собрание сочинений, М., 1950 (Далее всюду сочинения Н.А. Некрасова цитируются по этому изданию, с указанием в тексте тома и страницы. Римская цифра обозначает том, арабская – страницу).

3. Пушкин, А. С., Избранные сочинения в двух томах, М., 1978. – т. II.
4. Чуковский, К. И., Мастерство Некрасова, М., 1962.

**FORMAREA CAPACITĂȚII FONOLOGICE LA STUDENȚII
STRĂINI (TURCI)
GĂLUȘCĂ Lilia, lector superior**

Summary

In this article we have the goal to emphasize the phonetic particularities of the Romanian language in relation to the Turkish language, thus facilitating the learning process of the Romanian language by the Turkish students. At a simple confrontation one can notice that the Romanian phonetic system presents differences from the phonetic sounds of the Turkish language. We will specify the basic rules of pronunciation of the vowel sounds, consonants, diphthongs and triphthongs of the Romanian language for the formation of the phonological capacity in the Turkish students. We note that the formation of the phonological capacity is achieved at the incipient stage of the study of a language, and the success depends on the skills and professional competence of the teacher.

Studierea unei limbi străine este un proces complex, iar reușita demersului didactic depinde de măiestria și competențele profesionale ale pedagogului, de strategiile didactice aplicate cu multă îndemânare de acesta. Fiecare lecție constituie o unitate structurată într-un anumit fel, care asigură însușirea conștientă și activă a unor cunoștințe variate de limbă și formarea priceperilor și deprinderilor de folosire corectă a lor. În prima fază, la nivel începător, sunt prezentate probleme de fonetică și fonologie, de vocabular și de gramatică care sunt fixate prin exerciții variate și numeroase, iar mai târziu, în faza a doua, apar structuri conversaționale axate atât pe problemele din prima parte, cât și pe teme uzuale care cuprind cele mai frecvente situații de comunicare din universul cotidian și din experiența personală.